

Ю.Д. Минина

Заемствование и развитие сказочных сюжетов о чудесном герое в фольклоре народов Вьетнама

Аннотация. Статья посвящена анализу сказочного сюжета о чудесном ребёнке в облике териоморфного или фитоморфного существа в фольклоре вьетнамцев, хмонгов, тямов, седангов, стиенгов, тхаев, населяющих территорию современного Вьетнама, а также в фольклоре других народов Дальнего Востока. В работе применяется структурно-типологический и сравнительный анализ сюжетов, мотивов и героев фольклорных повествований, что помогает сделать предположения о путях заимствований и трансформации значимых элементов сказок у народов дальневосточного региона. В статье подробно рассматриваются три вьетнамских сказочных текста — «Человек, круглый, как кокосовый орех», «Волшебная черепаха» и «Маленький Черепашка», каждый из которых сопоставляется как с территориально близкими, так и удалёнными друг от друга вариантами повествований.

Ключевые слова: вьетнамский фольклор, вьетнамские народные сказки, сказки малых народов Вьетнама, сказочный мотив, сказочный герой, структура сказочного сюжета.

Автор: Минина Юлия Дмитриевна, ст. преподаватель, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики».
ORCID: 0000-0002-3737-9478. E-mail: yminina@hse.ru

Для цитирования: Минина Ю.Д. Заемствование и развитие сказочных сюжетов о чудесном герое в фольклоре народов Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 110—124.

Yu. D. Minina

Borrowing and Historical Evolution of Tales and Fables about the Wonderful Hero in the Folklore Traditions of Vietnamese Peoples

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the fairy-tale plot about a wonderful child in the form of a theriomorphic or phytomorphic creature in the folklore of the Viet, Hmong, Cham, Sedang, Stieng, Thai ethnic groups inhabiting the territory of modern Vietnam, as well as in folklore of other peoples of the Far East. Through the study, the methods of structural, typological and comparative analysis of plots, motives and heroes of folklore narratives are used. Hopefully, this approach will help to make assumptions about the ways of borrowing and transforming significant elements of fairy tales in the region. The article examines three Vietnamese fairy-tale texts — “Man

Round as a Coconut”, “Magic Turtle” and “Little Turtle”, each of which is compared with both geographically close and distant versions of the narratives.

Keywords: Vietnamese folklore, Vietnamese folk tales, folk tales of Vietnamese ethnic minorities, folktale motif, fairy tale hero, folktale narrative structure.

Author: Minina Yulia D., Senior Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University. ORCID: 0000-0002-3737-9478. E-mail: yminina@hse.ru

For citation: Minina Yulia D. (2024) Borrowing and Historical Evolution of Tales and Fables about the Wonderful Hero in the Folklore Traditions of Vietnamese Peoples. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 8 (1): 110—124.

Введение и постановка проблемы

В сказочном фольклоре народов Юго-Восточной Азии существует ряд сюжетов, которые обращают на себя внимание сходством структуры, мотивов и типов персонажей. Примером такого рода повествований может послужить сюжет о сыне бездетных родителей, который появляется на свет в виде териоморфного или круглого фимоморфного существа, проходит трудные испытания и добывает невесту.

Первым из отечественных востоковедов обратил внимание на один из типов этого сюжета крупнейший исследователь вьетнамской литературы Н.И. Никулин. Ученый отметил сюжетное сходство сказок малых народов Вьетнама о круглом ребенке — герое, «не подающем надежд», по его выражению, — и высказал предположение, что протагонист тямского повествования «сближается с образом из мифологического предания — с первопродком царского рода Кокосов и легендарным основателем чамского¹ государства» [Сказки народов Вьетнама 1970: 7]. Российский востоковед Б.Б. Парникель развил данную гипотезу и привлек к исследованию индонезийский и малайский фольклорный материал [Парникель 1994: 148—153].

Сюжет о герое в теле «низкого», неприглядного животного в сказочной традиции народов Вьетнама до сих пор подробно не рассматривался, однако ценные выводы касательно специфики подобных повествований у других народов Азии сделаны выдающимся фольклористом-синологом Б.Л. Рифтиным [Дунганские сказки 2018: 184—188]. Немецкий и американский исследователь В. Эберхард упоминает 9 вариантов данного сюжета, записанных в Юго-Восточном Китае [Eberhard 1937: 78]. Более 30 вариантов из различных префектур Японии зафиксированы фольклористами Янагита Кунио [Yanagita 1986: 14—17] и Икэда Хироко [Ikeda 1971: 425A, 110—112]. Важные заключения о происхождении сказочных сюжетов вьетов и малых народов Вьетнама представлены крупнейшим вьетнамским фольклористом Нгуен Донг Тьи [Nguyễn Đông Chi 2000: 83—92].

В данной работе предлагается рассматривать сказки о ребенке в теле животного и ребенке-колобке как два типа одного сюжета, поскольку при общей устойчивости сюжетной схемы семантика образа главного героя и некоторые важные мотивы в повествованиях разнятся.

---

¹ Среди вьетнамоведов нет единой точки зрения по поводу русской транскрипции этнонима Châm (Chàm) и связанных с ним понятий; приемлемыми считаются варианты «тям» и «чам».

Задача исследования — проанализировать структуру, характеристики персонажей и наиболее значимые мотивы сказочных циклов о «низком» герое в фольклоре вьетов (киней), сравнив данные повествования с сюжетами, известными у хмонгов, тямов, тхаев, седангов, а также у других народов дальневосточного региона — корейцев, японцев, ли, тибетцев, минахасцев и пр. Такой анализ и сопоставление как территориально близких, так и удаленных друг от друга вариантов повествований позволит лучше понять пути заимствования сказочных сюжетов в регионе и процессы их исторического развития внутри фольклорной традиции одного народа.

Методология исследования

Методологической основой работы послужили структурно-типологический подход Е.М. Мелетинского [Мелетинский 2005, 2018], применяемый для анализа сюжетной организации фольклорного повествования и структуры мотива, и теоретические труды В.Я. Проппа [Пропп 2021]. Типы сказочных сюжетов и мотивов приводятся согласно указателям А. Аарне [The Types of the Folktale 1961] (далее — АaTh) и С. Томпсона [Thompson 1955—1958] (далее — ThMot), кроме того, к исследованию привлекаются данные аналитического каталога фольклорно-мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина [Березкин, Дувакин 2023] (далее — БД).

Из собственно вьетнамских сказочных повествований выбраны три текста — «Человек, круглый, как кокосовый орех» [Сказки и легенды Вьетнама 1958: 112—125] (тип «Круглый ребёнок»), «Волшебная черепаха» [Сказки народов Востока 1962: 81—86] и «Маленький Черепашка» [Сказки и предания Вьетнама 2021: 69—74] (тип «Ребёнок в облике животного»). Ключевые характеристики героев, сюжетные ходы и мотивы сравниваемых сказок обоих типов у разных народов представлены в сводных таблицах (табл. 1, 2).

Тип «Ребёнок в облике животного»

Как и сказки типа «Круглый ребёнок» (см. ниже), вьетнамские повествования о ребенке в облике маленького презираемого животного представляют собой вариации широко распространенного у народов Европы и Азии сюжета о чудесном сыне бездетных родителей, который обладает волшебной силой, проходит испытания и женится на дочери правителя, помещика, богача, реже — родственников (АaTh 425, 425А; БД К76). По ночам или при особых обстоятельствах герой превращается в прекрасного юношу. Затем жена (иногда ее родственники, соседи) уничтожает или портит его звериную шкуру (панцирь, кожу), после чего он либо окончательно приобретает человеческий облик, либо исчезает.

Структурно важные элементы сказок интересующих нас типов можно представить в виде схемы-последовательности:

первый ход: чудесное зачатие и рождение героя → первая группа испытаний (инициация) → сватовство → вторая группа испытаний (обычно поиск брачных даров) → окончательное превращение в человека → свадьба;

второй ход: смерть героя и/или героини → поиск (ожидание) → воссоединение.

Как отмечает Б.Л. Рифтин, подобные сказки распространены в Юго-Восточном и Северо-Западном Китае, встречаются они и в Тибете, в Японии, Корее, у многих народов Юго-Восточной Азии [Дунганские сказки 2018: 184].

У народа ли, населяющего остров Хайнань и юг материкового Китая [Глаза дракона 1959: 95—97], у дунган [Дунганские народные сказки 2013: 65—71], монголов [Тодаева 1973: 216—230], тибетцев [Глаза дракона 1959: 84—94] герой рождается в облике лягушки; в эпосе алтайских тюрков — в облике бобра [Когутэй 1935]; у корейцев — в облике змея [Шкуркин 1941: 127—134]; у японцев — в облике обезьяны (которая хорошо умеет плавать), кабана, угря, каппы¹, лягушки, змея, улитки, слизня [Yanagita: 14—17]; у индонезийцев — в облике змея, варана, обезьяны [Парникель 1994: 151]; у батаков известен также «женский вариант» данного сюжета о дочери-ящерице [Волшебный жезл 1972: 94—106]. Как видно, чаще всего животная форма чудесного ребенка тесно связана с водной стихией, а если точнее — говорит о возможности находиться и в воде, и на суше.

В двух наиболее популярных сказках вьетов из этого сказочного цикла чудесный сын рождается в теле черепахи. Этот образ в рамках традиционной вьетнамской культуры многогранен и связывается как с благими предзнаменованиями, так и с силами, враждебными человеку.

Черепаха издревле почиталась вьетнамцами как одно из четырех священных животных (*вьет. tú linh / tú thánh thú*) наряду с драконом, цилинем и фениксом. Золотая черепаха Ким Куи связана с идеей государственности и борьбы с иноземными захватчиками, она покровительствует строительству дамб и укреплений, хранит чудесный меч, с помощью которого возможно победить китайцев [Мифы и предания Вьетнама 2000: 15; 135—138].

Согласно китайской концепции пяти элементов *у-син*, воспринятой вьетнамцами, черепаха соотносится с северным направлением, водой и зимним сезоном. Черепаха почитается вьетнамцами как символ мудрости и конфуцианского учения и ассоциируется с образом териоморфного постаменты, на спину которого водружаются стелы с именами лауреатов государственных экзаменов. Однако традиция устанавливать стелы (и вообще тяжести, которые призваны увековечить что-либо) на спинах черепах, очевидно, имеет куда более глубокие корни и связана не столько с постижением мудрости и важными текстами, сколько с концепцией долголетия и космогоническими представлениями о животном, держащем на себе острова, горы или весь мир [Духовная культура Вьетнама: 260, 264—267].

Во вьетнамской фольклорной традиции описаны и вредоносные черепахи, с которыми сражаются богатыри и прославленные воины [Там же: 199, 201].

В сказочных повествованиях «Волшебная черепаха» и «Маленький Черепашка» герой описывается как маленькое, некрасивое, с виду слабое существо. В то же время в ряде сказок этого цикла другие персонажи относятся к чудесному

¹ Японский водяной, внешний облик которого обычно представляется как нечто среднее между лягушкой и черепахой.

ребёнку с опаской, особенно поначалу, боясь воздействия недобрых духов. В одном из тибетских сюжетов старик принимает героя-лягушонка за злого оборотня [Игра Веталы с человеком 1969: 99]; в корейской сказке отец ребёнка-змея сам является оборотнем [Шкуркин 1941: 133—134]. В подобных эпизодах выражается специфическое восприятие образов рептилий и земноводных в культуре дальневосточных народов.

Для сказок данного типа характерны мотивы чудесного зачатия (табл. 1) — чаще всего от выпитой воды (ThMot T512.3) или съеденного плода (ThMot T511.1; БД K93b2). В несколько измененном виде этот мотив обозначен в повествовании «Волшебная черепаха» — безмужняя женщина зачинает ребёнка от случайно проглоченной золотой пуговицы. В сказке «Маленький Черепашка» эпизод с зачатием полностью опущен, зато обращает на себя внимание мотив рождения героя из ноги (ThMot T551.12; БД F2), также типичный для данного сказочного цикла. У хмонгов Западного Китая повествование начинается с того, что у бездетной жены вспухло колено и из него выкатилось яйцо, а из яйца вылупилась вонючая жаба [Graham 1954: 180—181]. У хмонгов Вьетнама известна сказка о сыне-лягушонке, который выпрыгнул из распухшего пальца ноги [Чудесный посох 1990: 125—128].

Таблица 1. Ключевые характеристики героев, сюжетные ходы и мотивы сказок типа «Ребенок в облике животного» у разных народов

Народ, название сказки	Зачатие/рождение героя	Облик героя	Первая группа испытаний	Вторая группа испытаний	Эпизод с привязыванием мелкого предмета
<i>Вьеты I</i> «Волшебная черепаха»	Безмужняя девица зачала от проглоченной золотой пуговицы	Черепаха	Пасти буйволов	Добыть свадебный выкуп: лошадь с девятью гривами; петуха с девятью шпорами; 12 бамбуковых стволов, наполненных жиром кузнечиков	—
<i>Вьеты II</i> «Маленький Черепашка»	Вышел из распухшего колена бездетной старухи	Маленькая черепаха	Построить дворец для государя	Добыть свадебный выкуп: три бочки свинины, три чана вина, выстлать путь от дома жениха до дворца разноцветной тканью	Герой просит привязать к его спине нож
<i>Хмонги (Вьетнам)</i> «Государь лягушка»	Вышел из распухшего пальца на ноге бездетной старухи	Лягушонок	Добывает хвост, работает на пашне	Свадебные испытания: притащить толстое бревно, каменную скалу; испытания после женитьбы: противостоять стражникам государя	Сам сидит верхом на топоре

Окончание табл. 1

Народ, название сказки	Зачатие/рождение героя	Облик героя	Первая группа испытаний	Вторая группа испытаний	Эпизод с привязыванием мелкого предмета
<i>Дунгане</i> «Лягушонок»	Увязался за бездетным стариком, сам пришел в дом	Лягушонок с глазами, горящими как красные огоньки	Купить мясо в лавке	Свадебные испытания: построить золотой мост от дома жениха до дворца государя, по бокам насадить ивы, на которых плоды — жемчуг и агаты (не исполнено); построить заново разрушенный дворец	Герой просит завязать деньги в платок, платок повесить ему на шею
<i>Ли</i> «Как вождь племени ли превратился в лягушку»	Бездетная старуха попросила ребёнка у бога лесов, забеременела и родила спустя 18 месяцев	Большой лягушонок	—	Разбить вражеское войско	—
<i>Тибетцы</i> «Лягушонок-наездник»	Бездетные старик со старухой молились духу гор и рек, старуха забеременела и через 7 месяцев родила	Лупоглазый лягушонок	Помогает родителям по хозяйству	Свадебные испытания: герой показывает свою силу (смеется, плачет, танцует); испытания после женитьбы: превращается в юношу, участвует в скачках (не выполнено до конца)	Герой просит мать испечь булочку, положить в мешочек и дать ему
<i>Корейцы</i> «Ын-куре. Серебряный змей»	Муж и жена долго не могут обзавестись детьми, наконец жена беременеет и рождает	Толстый змей, покрытый золотой и серебряной чешуей	—	Свадебные испытания: соблюдает все обычаи сватовства; испытания после женитьбы: собственно превращение в человека	Герой несет в зубах сверток со свадебными подарками (деревянный гусь и ящичек с рисом)
<i>Японцы</i> (префектура Кумамото) «Сын-змей»	Бездетные супруги нашли в полях змея, стали растить как сына	Длинный и толстый змей	Терпит изгнание, роет пруд	Спасает тонущую девушку	—

Первые испытания героя сказок обоих сюжетных типов несут функцию инициации. Чудесный ребенок берется за трудную работу и обещает родителям скорое благоденствие. В сказках типа «Ребёнок в облике животного» особый инте-

рес представляет эпизод с привязыванием предмета к спине или шее героя. В дунганской сказке лягушонок, собираясь в лавку, просит завязать деньги в платок и этот узелок повесить ему на шею [Дунганские народные сказки 2013: 66]. В монгорском варианте лягушонок несет на шее горшок с питьем для старика, который работает на поле [Тодаева 1973: 222]. В сказке «Маленький черепашка» герой отправляется на строительство императорского дворца вместо своих пожилых родителей и просит привязать к его спине нож. По-видимому, через передаваемые от земных родителей предметы подчеркивается готовность героя к взрослой человеческой работе.

В обоих типах повествований о чудесном ребёнке почти всегда встречаются упоминания о кормлении героя. Либо говорится о том, что он очень много или наоборот мало ест («Маленький Черепашка»), либо включается эпизод с отправлением дочери к герою с обедом для него («Волшебная черепаха»). Семантика этого мотива, по-видимому, связана с ритуальным кормлением духов и других нечеловеческих агентов в рамках традиций культа предков.

Второй блок испытаний следует вскоре за сватовством (ThMot T121). Герой отправляет мать к отцу девушки с просьбой устроить его помолвку, после чего получает наказ выполнить еще более трудную работу и/или отыскать небывалые свадебные дары. Примечательно, что в сказке «Волшебная черепаха» государь требует выстлать путь от дома жениха до дворца тканью. Это задание — ослабленный мотив строительства чудесного моста (ThMot H1131), изначально соединявшего земное и водное царства (шире — мир небожителей и мир людей). Как указывает Б.Л. Рифтин, этот мотив соединения двух противопоставляемых миров встречается уже в сборнике «Мелкие рассказы» И Иня (*сяошо* I—VI в.). Среди этих рассказов есть история о том, как император Цинь Шихуан встретился с царем драконов на небывалом мосту, построенном в море [Дунганские сказки 2018: 186].

В ряде известных сюжетов герою в случае нарушения обещания отцом невесты приходится доказывать свои права на брак и другими способами (БД K76H). В дунганской, тибетской, монгорской сказках лягушонок устраивает наводнение, бурю, ливень и т. д. Во вьетнамской сказке «Волшебная черепаха» эта связь героя с водной стихией тоже прослеживается, но в измененном виде. В ночь накануне свадьбы случается страшная гроза, а поутру мать черепахи находит все необходимое для выкупа.

Превращение «низкого» героя в прекрасного юношу (ThMot D712) в подобных повествованиях происходит обычно по ночам, однако в Юго-Восточной Азии распространены сюжеты, где трансформация происходит во время работы, тайных встреч с возлюбленной. В некоторых сказках дунган, монголов, тибетцев, хмонгов Китая герой превращается в человека перед походом на празднество или представление, такой вариант мы находим и у вьетнамцев («Маленький Черепашка»). Уничтожение или порча звериной «одежды» обычно происходит из-за того, что ее находит жена героя, вернувшись домой раньше времени. Далее концовка имеет два варианта — либо герой навсегда остается в человеческом облике, либо вновь обретает свою чудесную «одежду» и безвозвратно исчезает из мира людей (похоже, более поздние вариации).

Как и сказка народа ли о герое-лягушке (видимо, один из наиболее архаических и полных вариантов данного типа повествований), вьетнамская сказка «Маленький Черепашка» оканчивается наказанием государя за многократно нарушенное обещание. Государь в шутку ложится в черепаший панцирь своего зятя и сам превращается в черепаху. Герой же остается человеком и счастливо живет со своей женой в мире людей. В целом «Маленький Черепашка» по ряду мотивов и ключевых эпизодов близок вариантам сказок хмонгов Вьетнама и народа ли. Сказка изобилует деталями, характерными для образа жизни и хозяйствования в горных районах Северного Вьетнама. В частности, упоминаются весенние игры юношей и девушек в горах, возделывание горных полей, заплечная корзина *куай тау* и т. д. По-видимому, данный вариант повествования был заимствован вьетнамцами у народов, населяющих пограничные с Китаем провинции, вероятнее всего, у хмонгов.

В сказке «Волшебная черепаха» мотив избавления от животного облика несколько видоизменен. Завистницы смертельно ранят героя, и тот, умирая, оставляет жене свою окровавленную рубашку (не панцирь), чтобы они смогли встретиться на Небе. Далее следует второй ход сказки, включающий инициацию героини.

Тип «Круглый ребёнок»

Во Вьетнаме сказки о круглом ребёнке распространены в основном у тямских, бахнарских и тайских народов, сюжет о сыне-тыкве записан также у хмонгов. За пределами Вьетнама сказки о ребёнке в облике круглого фитоморфного существа (кокос, камень, тыква) встречаются у народов Индонезии.

В сказках данного типа мотив чудесного зачатия нередко содержит прямое указание на то, что волшебный ребёнок является посланцем из загробного мира — предком, вернувшимся в мир живых. Так, в сказке народа тхай «Парень-Мешок» [Сказки народов Вьетнама 1970: 343—346] вдова забеременела после того, как уснула на могиле мужа. Во вьетнамской сказке «Человек, круглый, как кокосовый орех» женщина выпила воды из черепа, найденного в лесу. В тямской сказке о царском зяте Кокосовом Орехе [Там же: 138—155] девушка набрела в джунглях на источник, бьющий из-под земли, напилась воды и искупалась в озере, образовавшемся между скал. Вода и камень в пространстве тямских верований представляют собой божественные начала, связанные с идеей плодородия [Парникель 1994: 149]. В данном контексте эпизод с питьем воды из подземного источника и зарождение новой жизни посредством этого могут быть интерпретированы как союз человека и божественных сил, в результате которого рождается чудесный ребёнок — основатель новой династии в тямской мифологической картине мира.

В сказках типа «Круглый ребёнок» особое внимание обращает на себя странный, отгалкивающий облик героя. Ребёнок в теле «низкого» животного также вызывает у прочих персонажей удивление и неприязнь, но в данном случае важ-

но несколько иное — речь идет о существе, которое ассоциируется с чем-то, что в привычном смысле не относится к категории живого/одушевленного, но способно служить вместилищем неких благ. Наиболее популярные варианты сказочных сюжетов рассказывают о тыкке (и других бахчевых), кокосе, камне, черепе (голове), мешке, котелке (табл. 2).

Таблица 2. Ключевые характеристики героев, сюжетные ходы и мотивы сказок типа «Круглый ребёнок» у разных народов

Народ, название сказки	Зачатие/рождение героя	Облик героя	Первая группа испытаний	Вторая группа испытаний	Помощники
<i>Вьетны</i> «Человек, круглый, как кокосовый орех»	Бездетная жена выпила воды из черепа, найденного в лесу	Круглый кусок мяса, поросший волосами (есть глаза, нос, рот, уши; нет рук и ног)	Пасти коз	Добыть свадебный выкуп: найти вазу из литого золота, 10 кусков шелка, затканного серебром и жемчугом, 10 свиней, 10 коз, 10 кувшинов вина; построить чудесный дом	10 юношей и девушек
<i>Тямь</i> «Царский зять Кокосовый Орех»	Безмужняя девица выпила воды из подземного источника и искупалась в нем	Круглый, как орех, без рук и ног	Пасти коз	Пасти буйволов, починить плетень	Люди и животные
<i>Седанги</i> «Юноша Тыква»	—	Пожожен на тыкву	Сторожить урожай риса	Разбить поле	Множество юношей
<i>Стиенги</i> «Юноша Котелок»	Жена съела плод смородины	Черный, как дно котелка	Дает богатство семье	Кормит всю деревню	—
<i>Тхаи</i> «Парень-Мешок»	Вдова уснула на могиле мужа; тот является женщине во сне и обещает сына	Мешок	Распахать и возделывать поля	Бьют палками, варят в кипятке	3333 юноши
<i>Хмонги (Вьетнам)</i> «Сынок Тыква»	Сын приемный; с тыквой обращались, как с сыном и она ожила	Тыква	—	Натаскать воды, принести бревна	—
<i>Минахасцы</i> «Капиту»	—	Маленькая голова, длинная шея, большой зад, похож на тыкву	Помогает семье	Свадебные испытания: построить дом; испытания после женитьбы: найти жену, пострадавшую от козней сестер	—

В тямской сказке герой является в облике кокоса, что продолжает мотив соединения мифологической природы и культуры. Ребёнок-кокос является сыном человека и кокосовой пальмы, ценнейшего растения региона. В этиологических мифах многих народов Индокитая и Южной Азии кокосовый орех отождествляется с головой — из головы (череп) человека вырастает первая кокосовая пальма (БД G21).

Семантика образа тыквы и вообще бахчевых культур связана с концепцией сосуда, в котором помещаются благие дары; множество семечек в тыквине символизируют богатое потомство. В сказках типа «Круглый ребёнок» эта идея изобилия реализуется в эпизодах с испытаниями: тело героя раскалывается и оттуда выходит не только прекрасный юноша, обладающий многими талантами, но и множество его помощников.

Частотность вариантов сказки о тыкве, скорее всего, указывает на связь этих повествований с мифом о происхождении предков людей в процессе создания мира или после мировой катастрофы, известном у народов Тибета, Северной Индии, Бирмы, Вьетнама, лоло, лису, хмонгов, ли и др (БД E38B). В таких мифологических повествованиях тыква рождается у женщины, либо же ее находят, выращивают; из созревшей бахчи выходят семечки-люди, иногда — животные. У китайцев также известны сюжеты с тыквой и прародителями людей (БД E38B, Ганьсу, Гуандун, Чжэцзян, Хунань, Сычуань), но заметно трансформированные — как правило, в них включены эпизоды с лепкой людей из глины. Вероятно, миф о тыкве пришел в Юго-Восточную Азию из Индии и прочнее всего закрепился у народов «индианизированной» культуры.

Отметим, что не только бахча, но и кокос-голова-череп в народном мышлении могут рассматриваться в качестве сосуда. Здесь нелишним будет вспомнить варианты русского сказочного сюжета под условным названием «Теремок», где собственно дом-теремок варьируется с горшком, рукавицей и... лошадиным черепом [Русские народные сказки 1913: 117—119].

В ряде повествований народов Центрального Вьетнама некоторые ключевые эпизоды опущены, мотивы ослаблены. Например, в сказке стиенгов [Сказки народов Вьетнама 1970: 260—262] герой похож на котелок (вновь идея вместилища благ) лишь тем, что у него черная кожа — традиционно нежелательное для народов Азии качество внешности.

Тямский вариант данного сюжета (наиболее структурно полный из рассматриваемых нами у народов Вьетнама) содержит большое количество мифологических мотивов, характерных для культуры малайско-индонезийского мира. Особый интерес представляет второй ход сказки, включающий инициацию героини. Царевна, жена героя-кокоса, тонет в море и перерождается в раковине, которую затем волнами выносит на сушу (БД K33). Женщину берут под свою опеку бездетные старики, после чего она возвращается к мужу. После смерти царя-отца счастливые супруги правят страной. Как отмечает Б.Б. Парникель, этот эпизод перекликается с тямским мифом о богине По Нагар, которая тесно связана с водной стихией [Парникель 1994: 150—151].

Вьетнамский текст чрезвычайно близок тямскому варианту несмотря на то, что некоторые его эпизоды и детали претерпели изменения. В частности,

во вьетнамской сказке герой-кокос постигает конфуцианское учение и успешно сдает государственные экзамены (очевидно, позднее включение); тямский царь превратился в алчного богача, на первый план выступила тема социальных противоречий между жителями деревни. Вьетнамская версия сохраняет значимые элементы тямского текста — это также двухходовая сказка, где второй ход описывает смерть героини через утопление и ее перерождение (Ath 450 IV; БД К32). Эпизод с утоплением героини и/или ее превращением в «низкое» животное, проглатыванием морским чудовищем (путешествие в нижний мир) и возвращением на сушу (в верхний мир) является структурно важным для целого ряда повествований, которые не подверглись значительной редукции: у зярай [Dournes 1977: 108—109], срэ [Там же: 113—114], шанов [Griggs 2015: 87—98], лао [Серебряный ключ 1963: 21—26], таи Вьетнама [Degeorge 1925, № 18: 502—505]), кхму [Чудесный посох 1990: 207—210]). Встречается он и во вьетнамском фольклоре. В сказке «Там и Кам» [Сказки и предания Вьетнама 2021: 89—99] добрая Там тонет в пруду и последовательно перерождается в облике птицы (БД К32С), дерева, ткацкого стана и плода хурмы, из которого затем выходит в облике прекрасной девушки¹. Очевидно, смерть в воде — стихии, которая ассоциируется с женским началом, — играет ключевую роль в эпизодах инициации героини.

В редуцированном виде эпизод с инициацией героини встречается в сказке минахасцев, населяющих северо-восточную часть о. Сулавеси [Волшебный жезл 1972: 91—94], — женщина срывается с качелей, которые раскачивают завистливые сестры, и падает, но не в воду, а на далекий остров. Смерть из-за качания на качелях присутствует также в повествовании народа зярай [Dournes 1977: 108—109] о чудесном супруге-змее, а также во вьетнамском повествовании «Заколдованный муж» [Сказки народов Востока 1962: 74—78], что, скорее всего, является заимствованием от тямских народов.

Выводы

В сказках обоих типов качества чудесного ребёнка указывают на его связь со стихией суши и воды, мира людей и мира божеств, при этом в повествованиях о герое в теле животного на первый план выходят его умения и характеристики, связанные с водой. Предположительно, сказки о териоморфном герое представляют собой позднюю версию мифа о тотемном предке или почитаемом животном, облик которого занимает одно из важнейших мест в картине мира того или иного народа; образ его амбивалентен, а реакции на него в рамках нарратива сохраняют отголоски априорного страха перед божественным. В сюжетах типа «Круглый ребёнок» хорошо прослеживается семантическая связь облика героя с неким вместилищем благ, которое является плодом союза высших сил и челове-

¹ Обилие сюжетов с многократным перерождением утопленницы (особенно в волшебное дерево или деревья) у народов, говорящих на тай-кадайских языках, может указывать на заимствованный характер этого сюжетного элемента в сказке вьетов «Там и Кам».

ка. В наиболее полных версиях угадывается история о чудесном происхождении нового монарха и его супруге.

На данном этапе изученности вопроса можно сделать предположение, что герой-рептилия/земноводное в таких повествованиях более характерен для фольклора народов Восточной Азии, тогда как герой в облике круглого предмета чаще встречается у народов Индокитая и Нусантары, что, вероятно, объясняется индийским влиянием.

Сказка «Маленький Черепашка» близка вариантам повествований хмонгов и ли, в ней присутствуют весьма архаичные мифологические мотивы. «Волшебная черепаха», напротив, содержит больше элементов, характерных для фольклора вьетнамцев, и видимо, является более поздней версией сюжета. Сказка «Человек, круглый, как кокосовый орех» представляет собой заимствованную и трансформированную версию тямского предания.

Дата поступления статьи: 20.12.2023

Received: December 20, 2023

Дата поступления в переработанном виде: 28.02.2024

Received in revised form: February 28, 2024

Принята к печати: 10.03.2024

Accepted: March 10, 2024

Список литературы

Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог. Ruthenia. URL:<https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 21.12.2023).

Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии / пер. с индонез., малайск., англ., нем. и гол.; сост. и предисл. В. Брагинского. М.: Художественная литература, 1972. 214 с.

Глаза дракона. Легенды и сказки народов Китая / пер. с кит., примеч. Лин Лин и П. Устина. М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. 428 с.

Дунганские народные сказки и предания / Запись текстов и пер. Б.Л. Рифтина, М.А. Хасанова, И.И. Юсупова. М.: Наука — Восточная литература, 2013. 469 с.

Дунганские сказки и предания / пер. Б.Л. Рифтина. М.: Наука — Восточная литература, 2018. 335 с.

Игра Веталы с человеком (тибетские народные сказки) / пер. с тибет., предисл., примеч. Ю. Парфионовича. М.: Наука, 1969. 144 с.

Кнорозова Е.Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев. СПб.: БАН, 2020. 506 с.

Когутэй: алтайский эпос / сказитель М. Ютканаков; пер. Г. Токмашова; ред. В. Зазубрина; коммент. Н. Дмитриева. М.; Л.: Academia, 1935. 201 с.

Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия Исследований Культуры. Традиция, 2005. 240 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, 2018. 480 с.

Мифы и предания Вьетнама / предисл., пер. с вьет. и ханваня, коммент. Е.Ю. Кнорозовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000— 201 с.

Парникель Б.Б. Чамское предание о кокосовом орехе: миф или сказка? // Языки и лит. Дал. Востока и Юго-Вост. Азии: материалы конф., Санкт-Петербург, 18—20 янв., 1994 г. СПб., 1994. С. 148—153.

Пропн В.Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Русский героический эпос. СПб.: Азбука, 2021. 256 с.

Русские народные сказки А.Н. Афанасьева: в 5 т. / под ред. А.Е. Грузинского. Изд. 4-е. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1913. Т. 1. 226 с.

Серебряный ключ. Тайские сказки / пер. и примеч. В.И. Корнева. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 231 с.

Сказки и легенды Вьетнама / пер. с вьет. В. Карпова и М. Ткачева. М.: Гослитиздат, 1958. 359 с.

Сказки и предания Вьетнама / пер. с вьет. Ю.Д. Мининой, Е.В. Лютик, А.М. Харитоновой; сост. Ю.Д. Минина. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2021. 295 с.

Сказки народов Востока / коммент. Ю.М. Осипова, Т.М. Холмовского. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 415 с.

Сказки народов Вьетнама / пер. с вьет. Н.И. Никулина, И.С. Быстрова, И.И. Глебовой; сост., вступ. статья и примеч. Н.И. Никулина. М.: Наука — Главная редакция восточной литературы, 1970. 391 с.

Тодаева Б.Х. Монгольский язык. М.: Наука, 1973. 391 с.

Чудесный посох. Сказки народов Вьетнама / сост., предисл., пер. с вьет. Н. Никулина. М.: Художественная литература, 1990. 382 с.

Шкуркин В.П. Корейские сказки. Шанхай: Тип. изд-ва «Слово», 1941. 253 с.

Degeorge J.B. Légendes Des Tay, Annam (Suite) [Легенды таев Аннама (Продолжение)] // *Anthropos*. 1925. Vol. 20. № 3/4. P. 496—515. (На франц. яз.)

Dournes J. Un amour de serpent. Analyse de contes à travers quatre ethnies indochinoises [Змеиная любовь. Анализ сказок четырех этнических групп Индокитая] // *Cahiers de Littérature Orale 2* [Записки об устной словесности]. 1977. P. 103—164. (На франц. яз.)

Eberhard W. Typen Chinesischer Volksmärchen [Типы китайских народных сказок]. Helsinki: *Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica*, 1937. 437 s. (FF Communications. No. 120). (На нем. яз.)

Graham D.C. Songs and Stories of the Ch'uan Miao. Washington D.C.: Smithsonian Institution, 1954. 336 p. (Smithsonian Miscellaneous Collections. Vol. 142. No. 1).

Ikeda Hiroko. A Type and Motif Index of Japanese Folk-literature. Helsinki: *Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica*, 1971. 375 p. (FF Communications. No. 209).

Nguyễn Đông Chi. Kho tàng truyện cổ tích Việt Nam [Сокровищница вьетнамских сказок]. Quyển 1. Tập 1. Hà Nội: NXB Giáo dục, 2000. 1025 tr. (На вьет. яз.)

Shan Folklore Stories from the Hill and Water Country of Burma / Comp. by William C. Griggs. — London: Abela Publishing, 2015. 158 p.

The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen / Transl. and enlarged by St. Thompson. 2nd rev. Helsinki: *Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica*, 1961. 588 p. (FF Communications. No. 3).

Thompson St. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Revised and enlarged edition. Bloomington: Indiana University Press, 1955—1958. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/> (дата обращения 11.12.2023).

Yanagita Kunio. The Yanagita Kunio guide to the Japanese folk tale / Ed. and transl. by Fanny H. Mayer. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 365 p.

References

- Berezkin, Yu.E., Duvakin, E.N. (2023). *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: analiticheskii katalog* [Electronic Analytical Catalogue of Folklore-Mythological Motifs: Thematic Classification and Areal Distribution]. Ruthenia. Retrieved on 21.12.2023 from URL: [URL:https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/](https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/). (In Russian)
- Chudesnyi posokh. Skazki narodov V'etnama [The Magic Crook. Folk Tales of Vietnam's Peoples] (1990). Comp., introduction and transl. from Vietnamese by N. Nikulin. M.: Khudozhestvennaya literatura. 382 s. (In Russian)
- Degeorge, J.B. (1925). *Légendes Des Tay, Annam (Suite)* [Tay Legends, Annam (Sequel)]. *Anthropos*, 20, (3/4): 496—515, Anthropos Institut. (In French)
- Dournes, J. (1977) *Un amour de serpent. Analyse de contes à travers quatre ethnies indochinoises* [Love of a Snake. Analysis of Narratives across Four Indochinese Ethnic Groups], in: *Cahiers de Littérature Orale 2* [Notes on Oral Literature]. P. 103—164. (In French)
- Dunganskie narodnye skazki i predaniya [Dungan folk tales and legends] (2013). Transcribed and transl. by B.L. Riftin, M.A. Khasanov, I.I. Yusupov. M.: Nauka — Vostochnaya literatura. 469 s. (In Russian)
- Dunganskie skazki i predaniya [Dungan Fairy-tales and Legends] (2018). Transl. by B.L. Riftin. M.: Nauka — Vostochnaya literatura. 335 s. (In Russian)
- Eberhard, W. *Typen Chinesischer Volksmarchen* [Types of Chinese Folk Tales] (1937). (FF Communications № 120). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica. 437 pp. (In German)
- Glaza drakona. Legendy i skazki narodov Kitaya [Eyes of a Dragon. Legends and Tales of the Peoples of China] (1959). Transl. from Chinese and comments by Lin Lin i P. Ustin. M.: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 428 s. (In Russian)
- Graham, D.C. (1954). *Songs and Stories of the Ch'uan Miao*. (Smithsonian Miscellaneous Collections, vol. 142, № 1). Washington D.C.: Smithsonian Institution. 336 pp.
- Igra Vetaly s chelovekom (tibetskie narodniye skazki) [Vetala's Game with a Man (Tibetan folk tales)] (1969). Transl. from Tibetan, introduction and comments by Yu. Parfionovich. M.: Nauka. 144 s. (In Russian)
- Ikeda Hiroko (1971). *A Type and Motif Index of Japanese Folk-literature* (FF Communications № 209). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, Academia Scientiarum Fennica. 375 pp.
- Knorozova, E.Yu. (2020). *Dukhovnaya kul'tura V'etnama. Traditsionnye religiozno-mifologicheskie vozreniya v'etnamtsev* [Spiritual Culture of Vietnam. Traditional Religious and Mythological Views of Vietnamese People]. Saint-Petersburg: Library of the Russian Academy of Sciences. 506 s. (In Russian)
- Kogutei (1935). Story-teller M. Yutkanakov; transl. by G. Tokmashov; ed. by V. Zazubrin; comment. by N. Dmitriev. Moscow; Leningrad: Academia. 201 s. (In Russian)
- Meletinskii, E.M. (2005). *Geroi volshebnoi skazki* [Hero of a Fairy Tale]. Moscow; Saint-Petersburg: Akademiya Issledovaniy Kul'tury, Traditsiya, 2005. 240 s. (In Russian)
- Meletinskii, E.M. (2018). *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Saint-Petersburg: Azbuka, 2018. 480 s. (In Russian)
- Mify i predaniya V'etnama [Myths and Legends of Vietnam] (2000). Introduction and transl. from han van, comment. by E.Yu. Knorozova. Saint-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 201 s. (In Russian)
- Nguyễn Đông Chi (2000). *Kho tàng truyện cổ tích Việt Nam* [Nguyen Dong Chi. Treasury of Vietnamese Folk Tales]. Quyển 1, tập 1. Hà Nội: NXB Giáo dục. 1025 tr. (In Vietnamese)

Parnikel, B.B. (1994) *Chamskoe predanie o kokosovom orekhe: mif ili skazka?* [*Cham Legend about the Coconut: a Myth or a Fairy Tale?*] *Yazyki i lit. Dal. Vostoka i Yugo-Vost. Azii: materialy konf [Languages and Literature of the Far East: Proceedings of the Conference]*, Saint-Petersburg, 18—20 Jan., 1994. Saint-Petersburg. S. 148—153. (In Russian)

Propp, V.Ya. (2021) *Morfologiya volshebnoi skazki. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. Russkii geroicheskii epos [Morphology of a Fairy Tale. The Historical Roots of a Fairy Tale. Russian Heroic Epic]*. Saint-Petersburg: Azbuka. 256 s. (In Russian)

Russkie narodnye skazki A. N. Afanas'eva: v 5 t. [Russian Folk Tales by A.N. Afanasyev in 5 Vol.] (1913). Ed. by A.E. Gruzinskii. Ed. 4th. M.: I.D. Sytin's Printing House. Vol.1. 226 s. (In Russian)

Serebryanyi klyuch. Taiskie skazki [The Silver key. Thai Fairy Tales] (1963). Transl. and comment. by V. I. Kornev. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 231 s. (In Russian)

Shan Folklore Stories from the Hill and Water Country of Burma (2015). Comp. by William C. Griggs. London: Abela Publishing. 158 pp.

Shkurkin V.P. (1941) *Koreiskie skazki [Korean Fairy Tales]*. Shanghai: Printing house of the Publishing house «Slovo». 253 s. (In Russian)

Skazki i legendy V'etnama [Folk Tales and Legends of Vietnam] (1958). Transl. from Vietnamese by V. Karpov and M. Tkachev. M.: Goslitizdat. 359 s. (In Russian)

Skazki i predaniya V'etnama [Folk Tales and Legends of Vietnam] (2021). Transl. from Vietnamese by Yu.D. Minina, E.V. Lyutik, A.M. Kharitonova; comp. by Yu. D. Minina. Moscow: HSE Publishing House. 295 s. (In Russian)

Skazki narodov V'etnama [Folk Tales of the peoples of Vietnam] (1970). Transl. from Vietnamese by N.I. Nikulin, I.S. Bystrov, I.I. Glebova. Comp., introduction and comment. by N.I. Nikulin. M.: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. 391 s. (In Russian)

Skazki narodov Vostoka [Folk Tales of the Peoples of the East] (1962). Comment. by Yu.M. Osipov and T.M. Kholmovskii. M.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury. 415 s. (In Russian)

The Types of the Folktale: A Classification and Bibliography Antti Aarne's Verzeichnis der Marchentypen (1961). Transl. and enlarged by St. Thompson. 2nd rev. (FF Communications № 3). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, Academia Scientiarum Fennica. 588 pp.

Thompson, S. (1955—1958) *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends*. Revised and enlarged edition. Bloomington: Indiana University Press. Retrieved on 21.12.2023 from URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/>

Todaeva, B.Kh. (1973). *Mongorskii yazyk [Monguor Language]*. M.: Nauka. 391 s. (In Russian)

Volshebnyi zhezl. Skazki narodov Indonezii i Malaizii [Magic wand. Tales of the Peoples of Indonesia and Malaysia] (1972). Transl. from Indonesian, Malaysian, English, German and Dutch. Comp. by V. Braginskii. M.: Khudozhestvennaya literatura. 214 s. (In Russian)

Yanagita Kunio (1986). *The Yanagita Kunio guide to the Japanese folk tale*. Ed. and transl. by Fanny H. Mayer. Bloomington: Indiana University Press. 365 pp.